

С.Э.Сомов, БГУ (г. Могилев)

**АНТИНОРМАТИВИЗМ ЭТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

Исключительная популярность Леонида Николаевича Андреева среди российской читающей публики в начале XX века обусловила собой высокий интерес общественности к этической позиции писателя. Публицисты, активно дискутировавшие в печати по поводу андреевских произведений, находили созвучие его творчества как с общим процессом утраты традиционных христианских представлений о добре и зле, и даже с открытым демонизмом русских декадентов²; так и со своеобразным оживлением интереса интеллигенции к вопросам христианства, вызванным некоторым отрезвлением в понимании тупиковости пути безбожия и кровавого насилия.³

Нравственная проблема, поставленная прямо в произведениях Леонида Андреева “Жизнь Василия Фивейского”, “Христиане”, “Иуда Искариот” и косвенно во многих других, была близка основному этическому вопросу предреволюционной России - вопросу “о принятии на себя исторического

¹ Там же, с. 219.

² Прохоров Г.В. Индивидуализм в произведениях Леонида Андреева.- СПб., 1912.- С. 23.

³ Чуковский К. Леонид Андреев большой и маленький.- СПб., 1908.- С. 91.

греха”, стоящему “и перед революционерами-террористами, и перед убийцами из союза русского народа, и перед всеми, совершающими кровавые расправы” того времени¹.

Так сложились обстоятельства, что Леонид Андреев, рожденный и воспитанный в русской православной семье, обучавшийся в православной гимназии, остался далек от христианского взгляда на мир. С восхищением воспринятая им в юношеском незрелом возрасте философская система Артура Шопенгауэра сильнейшим образом повлияла на формирование этических воззрений будущего писателя. На постулатах о “бесперывной войне между индивидами как сущностном состоянии действительности”, об “изначально данном, неизменяемом и непознаваемом интеллигибельном характере человека” Андрееву, как и самому Шопенгауэру, объективно было тяжело создать сколь-либо приемлемую, целостную этическую концепцию.

Согласно философу линия поведения человека определяется не разумом, с присущими ему представлениями о сверхдолжном, а соединением интеллигибельного характера со своеобразно предомленными в сознании личности внешними побудительными силами - мотивами, не случайно андреевская Пелагея Караулова (рассказ “Христиане”), вступая в серьезные препирательства с судом и полицией, руководствуется не здравым смыслом, а велениями своей внутренней природы.

В случае, когда заданному извне характеру предается столь преувеличенное значение, этические установки и устремления человека лишаются смысла. “Злому, - пишет Шопенгауэр, - его злоба настолько же врождена, как змея ее ядовитые зубы и ядовитый мешок, и он столь же мало может измениться, как и она”². Вот почему герой андреевской прозы, как правило, лишен духовной эволюции. Все его потуги на самоусовершенствование остаются тщетными и только приносят ему дополнительные страдания. Вместе с тем, неизмеримо возрастает роль обстоятельств жизни, в пределах которых действует персонаж. Тяга к искусственному конструированию ситуаций иногда приводит Андреева к ирреальному нагромождению событий. Достаточно вспомнить цепь бед и трагедий, сыплющихся на голову о. Василия Фивейского.

Однако этика непременно требует наличия хотя бы гипотетического императива. В шопенгауэровском понимании самым чистым и специфическим нравственным побуждением (“первофеноменом морали”) является не кантовское уважение к закону, не совесть, не любовь, не милосердие или какие-либо другие христианские добродетели, а чувство сострадания³. Только через участие в страданиях другого человека чужие интересы могут становиться непосредственными причинами действий личности.

Леонид Андреев, склонявшийся к мысли, что истинная сущность человека не может ограничиваться индивидуальным существованием и непременно стремится к слиянию с мировым целым, щедро наделяет многих своих героев чувством сострадания. Чего только стоит вселенское сострадание о

¹ Там же, с. 107.

² Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. - М., 1992. - С. 75.

³ Там же, с. 13 - 15.

Фивейского или безмерная боль в душе Иуды Искариота, сопереживающего мукам Христа. Однако эти герои, сострадая, продолжают оставаться замкнутыми в себе, глубоко одинокими людьми. Недостаточное совершенство их внутреннего "Я" становится символом, характеризующим духовное состояние современного Андрееву человека вообще.

Художник отрицал какую-либо нравственную ценность за социумом. Создавая им картина нравов российского общества ужасает глубиной порочности его членов. В рассказе "Христиане", пространственно-временные рамки которого мастерски раздвинуты Андреевым с помощью монологов проституток, безнравственны не только участники судебного заседания, но и все облыжные православные за его пределами. Для писателя сам факт существования порока является свидетельством несостоятельности христианского этического закона. Андреев вслед за Шопенгауэром решительно отвергал власть христианской нормативной этики над личностью, придерживаясь принципа индивидуальной этики.

Антинормативизм и даже некоторый этический нигилизм Андреева современники воспринимали в качестве крайнего индивидуализма излюбленного андреевского героя - сильной и свободной личности, не останавливающейся "ради осуществления своих желаний и стремлений даже перед мыслью об уничтожении всего человечества"¹.

Однако индивидуализм - далеко не главная причина замкнутости и трагичности персонажей андреевской прозы. Здесь воплотилось основное противоречие этики Шопенгауэра, согласно которому воля нравственно ответственного человека непременно должна "отвернуться от жизни", исполненной бед и страданий. Это путь Василия Фивейского, добровольно отрешившегося от мирских радостей и принявшего на себя крест аскетического подвижничества.

Таким образом, на пути обоснования морали встает иррациональное обращение воли к жизни против самой себя, а на пути необходимой нормативной программы - "идеал бездеятельности". По сути дела о. Василий вполне соответствует этому идеалу: его аскетизм, изнурительная молитва, ежедневная служба в пустой церкви немногочисленных при том, что он ничего не делает для людей, которых не любит. Поэтому ни сострадание, ни умерщвление своих желаний не приносят андреевскому герою ощущения счастья и осмысленности бытия - он погибает. Так этика, изначально направленная против принципа эвдемонизма, порождает принципиальный пессимизм.

Однако Леонид Андреев, боровшийся с верой в Бога как с главным основанием оптимистической этики христианства, все же продолжал мучиться вопросом: "Можно ли жить бунтом?" Андреев-богоборец при всей своей воинственности лишен пресловутой атеистической жадности вешать архиереев, уничтожать храмы и жечь священные книги в стремлении дать обществу новую религию насильственной социальной справедливости. Безжалостно разрушая здание христианской нормативной этики, художник все-таки думал о том, что же он оставляет читателю? Один небольшой осколок, подобранный второпях на еще дымящихся руинах христианства - ничем не

¹ Прохоров Г.В. Индивидуализм в произведениях Леонида Андреева. - СПб., 1912. - С. 10.

мотивируемое сострадание, которого оказывается недостаточно даже для продолжения жизни вымышленного персонажа.

Творческая судьба Леонида Андреева является в высшей степени поучительным уроком. Его произведения утратили свою популярность среди русских читателей неспроста. Разумеется, забвения Андреев не заслужил, однако современный читатель перестал открыто упиваться безбожием, пресытившись обилием его плодов. Наш современник ищет в классической русской литературе прежде всего опору для собственного пошатнувшегося духа. Он инстинктивно отвергает разрушителей, подобных Андрееву, так как сама жизнь сверх меры предоставляет ему возможности для самоуничтожения.